

Едва он произнёс несколько слов, как чашка оказалась у его губ, и Шу Цзюнь, не в силах сопротивляться, послушно выпил тёплую воду, ощущая, как снова начинает клонить в сон. Маленький цилинь не вмешивался в их странный взгляд с Сюэ Кайчао, а лишь легко запрыгнул к нему на колени, свернувшись клубком, словно грелка.

Шу Цзюнь всегда чувствовал, что делать что-либо с духовным телом Сюэ Кайчао в его присутствии не совсем уместно. Хотя благодаря активному поведению маленького цилиня он уже привык втайне гладить его шерсть, массировать мягкие копытца и даже сжимать мясистый рог. Но использовать цилиня как грелку прямо перед Сюэ Кайчао вызывало у него чувство стыда и непонятной вины.

Сюэ Кайчао же лишь бросил взгляд на свернувшегося клубком цилиня и отодвинул его. Это движение было привычным, и Шу Цзюнь не удивился. Маленький цилинь тоже не проявил никакой реакции, а после того как его опустили, просто встал и начал массировать передними копытцами бёдра Шу Цзюня, явно получая от этого удовольствие.

Он знал меру, и Шу Цзюнь не чувствовал боли или тяжести, поэтому позволил ему продолжать. Вспомнив, что смог выбраться только благодаря Сюэ Кайчао, он не удержался и спросил:

— С главным всё в порядке? Он не пострадал?

Его голос, обычно звонкий, теперь звучал хрипло из-за только что пробудившегося сна. Шу Цзюнь почувствовал, что горло уже почти в порядке, возможно, хрипота вызвана долгим молчанием. Однако Сюэ Кайчао выглядел обеспокоенным и ответил:

— Я не пострадал. Ты спокойно отдыхай, не торопись.

Шу Цзюнь вздохнул с облегчением и незаметно отодвинул накрывавшее его одеяло. Сюэ Кайчао заметил это и, протянув руку, коснулся его шеи и груди:

— Жарко?

Шу Цзюнь кивнул, но, боясь показаться непослушным, поспешил объяснить:

— Мне просто жарко, но я не потею. Это, наверное, не простуда, так что можно не укрываться так плотно?

Сюэ Кайчао не рассердился на него, а лишь сложил ладони и приложил их к шее Шу Цзюня:

— А мне жарко?

Шу Цзюнь замер, почувствовав, что этот жест был более интимным, чем многие другие моменты. Его лицо и так горело от жара, так что неясно, заметил ли Сюэ Кайчао его смущение. Однако он не смог удержаться и прижался к Сюэ Кайчао, медленно ответив:

— Прохладно.

Это было довольно приятно.

Сюэ Кайчао ничего не сказал, убрал маленького цилиня на подушку, снял верхнюю одежду и обнял Шу Цзюня.

Шу Цзюнь вдруг почувствовал, что всё это кажется ему знакомым, словно Сюэ Кайчао часто обнимал его сзади. Хотя он этого не помнил.

Сюэ Кайчао всегда излучал прохладу, и Шу Цзюнь с давних пор любил тайком прижиматься к нему во сне. Теперь же он следовал указу Закона, повернулся и зарылся лицом в грудь Сюэ Кайчао, с облегчением выдохнув, а затем сунул обе руки под его одежду, дотянувшись до прохладной кожи на пояснице.

Закончив это движение, Шу Цзюнь вдруг замер, осознав, что был слишком наглым. Голова его кружилась, и он хотел что-то сказать, но слова не шли. Однако Сюэ Кайчао заметил этот едва уловимый жест и не придал значения его дерзости, а лишь прижал его затылок к своей груди:

— Спи. После сна всё будет хорошо.

Шу Цзюнь почувствовал облегчение, словно его тело и душа наконец осознали, что он в безопасности и вернулся в мир живых. Вскоре он погрузился в глубокий сон, потеряв сознание.

Шу Цзюнь был ранен, но не чувствовал себя слишком слабым. Тем не менее Сюэ Кайчао заставил его пролежать в постели несколько дней. Он выпил неизвестно сколько горьких отваров, а его раны несколько раз перевязывали. Как Шу Цзюнь мог позволить себе лежать, пока Сюэ Кайчао заботился о нём?

Но он не мог возразить, даже когда слегка сопротивлялся при перевязке, так как был полностью раздет и не мог увернуться. Сюэ Кайчао обращался с ним как с маленьким ребёнком, и даже если Шу Цзюнь не сотрудничал, он всё равно мог справиться с ним с головы до ног.

Лихорадка у Шу Цзюня часто начиналась ночью или рано утром. В бреду он видел силуэт Сюэ Кайчао, сидящего у его кровати, словно стерегущего его.

Но это было похоже на начало того сна, который Шу Цзюнь помнил: он лежал на полу пещеры, а Сюэ Кайчао был рядом. Детали сна постепенно стирались, но в последние дни он видел новые сны, снова и снова наблюдая за своими воспоминаниями, чувствуя, что приближается к истине.

Возможно, из-за намёков в снах и странных подозрений Шу Цзюня он начал думать, что это как-то связано с Сюэ Кайчао, но тут же отгонял эту мысль.

Он не хотел, чтобы тот огонь был как-то связан с Сюэ Кайчао, даже мысль об этом вызывала у него тревогу.

Сюэ Кайчао был его новой жизнью, его господином.

Шу Цзюнь натянул одеяло на голову, заставляя себя не думать об этом. У него хватало смелости, чтобы противостоять, но сейчас его тело и душа были слишком слабы, и он решил временно избегать этих мыслей.

Сюэ Кайчао, естественно, ничего об этом не знал, и забота о Шу Цзюне, казалось, доставляла ему удовольствие. Шу Цзюнь выпил суп из фазана, и ему стало немного жаль.

Фазан, на самом деле, назывался фазаном с пёстрым хвостом и был одним из восьми деликатесов. Его вкус был невероятно изысканным, и использовать его для супа казалось расточительством. Шу Цзюнь почувствовал лёгкую боль, но, вспомнив, что сейчас он не может встать, понял, что суп, вероятно, приготовил Сюэ Кайчао. Это вызвало у него чувство благодарности, и он с усердием принялся за еду, забыв о сожалении.

В конце концов он не смог сдержаться и, с розовыми от насыщенности кровью губами и щеками, взял Сюэ Кайчао за рукав и опустил голову:

— Я уже чувствую себя намного лучше. Многие вещи не должны были беспокоить господина. Вам... не нужно так заботиться обо мне.

Сюэ Кайчао молчал, глядя на руку Шу Цзюня, державшую его рукав. На тыльной стороне руки виднелись незажившие шрамы, выглядевшие устрашающе. Волосы юноши струились с плеч, и, опустив голову, он создавал тени, словно занавес, на своей одежде. Через мгновение, не получив ответа, Шу Цзюнь поднял голову, и в его глазах читалась мольба, словно он действительно не мог больше выносить.

— Хочешь принять ванну? — внезапно спросил Сюэ Кайчао.

Шу Цзюнь замер. Он действительно несколько дней не мылся как следует, и, хотя его часто обтирали для перевязок, он чувствовал себя всё грязнее. Когда Сюэ Кайчао спросил, он уже хотел кивнуть, но, опасаясь, что Сюэ Кайчао сам займётся этим, поспешил заявить:

— Я сам.

Сюэ Кайчао ничего не сказал, видимо, согласившись, и поднял его на руки, завернув в старую, но качественную накидку с подкладкой из белого меха лисы и узором из двух журавлей.

Они вышли, и Сюэ Кайчао понёс его по коридору до конца, где начиналась тёмная каменная дорога. После долгого сна во тьме Шу Цзюнь начал бояться темноты. Он не хотел, чтобы Сюэ Кайчао узнал об этом, словно страх делал его слабым и лишал права быть рядом с ним. Но его действия выдавали его, и Шу Цзюнь, повернувшись, закрыл глаза и уткнулся лицом в грудь Сюэ Кайчао.

Он давно использовал благовония, которые, как говорили, успокаивали разум и помогали в совершенствовании. Хотя в последнее время у него не было времени для медитации, запах Сюэ Кайчао всё ещё был ему знаком. Он немного успокоился, и, не зная, сколько времени прошло, почувствовал, как Сюэ Кайчао опустил его.

Шу Цзюнь, закутанный в тяжёлый плащ, выглядел моложе, чем обычно, и после нескольких дней отдыха казался ещё более мягким и беспомощным. Он растерянно открыл глаза, огляделся и удивился:

— Это... горячий источник?

Вокруг была дикая местность, он сидел на ровном камне, под которым находился небольшой источник с белым паром. Вдали виднелись горы, скрытые туманом, что говорило о том, что они всё ещё находились в горах. Но Шу Цзюнь не мог определить точное местоположение. Погода была ясной, и он только что проснулся, выпив чашку супа, предполагая, что ещё не наступил полдень.

Касание души, полное нежности. Qaq. Завтра не будет обновления, я отдохну, послезавтра продолжу. Целую всех.